

Общие вопросы истории и философии науки

УДК 165.0

ПРОТИВ ФИЛОСОФСКОГО МЕТОДА: 16 ТЕЗИСОВ РИЧАРДА РОРТИ*

О.И. Целищева

В статье рассмотрены возражения Р. Рорти против философского метода, сформулированных в нескольких тезисах. Аргументация Рорти, направленная прежде всего против аналитической философии, сопоставлена с его антирепрезенталистскими взглядами на европейскую философию. Подвергнуты критике утверждения Рорти об отсутствии значимости для философии исследовательских программ и дисциплинарных матриц, а также его глобальная установка на понимание философии как «разговора человечества».

Ключевые слова: Рорти, антирепрезентализм, зеркало природы, философский метод, аналитическая философия

Одна из важнейших дискуссий в современной философии связана с релятивизмом, самым видным представителем которого считается американский философ Ричард Рорти. Со времени написания им книги *Философия и зеркало природы* [1] в 1979 г. его имя связывают с радикальным тезисом об отказе от понятия объективной истины. Пожалуй, более серьезное обвинение против его философии состоит том, что он отрицает значимость и специфику философского метода как способа решения проблем, связанных с получением знания. В значительной степени философия Рорти напоминает усилия ряда видных философов науки подорвать кумулятивную концепцию научного знания, среди которых наиболее влиятельным был Т. Кун [2]. Рорти называет Т. Куна своим идолом со времени прочтения этой книги, и называет его наиболее влиятельным философом в англоязычном мире после Второй мировой войны [3]. Другой философ науки, П. Фейерабенд, был в числе тех, кого обвиняли в первую очередь в релятивизме в отношении научной истины,

---

* Статья публикуется в авторской редакции.

а ставшая очень известной книга Фейерабенда *Против метода* [4] была принята многими как манифест тех, кто отказывался видеть в рациональном мышлении основание западной цивилизации. В отличие от упомянутых философов науки сомнения Рорти в отношении специфики философского метода охватывают гораздо более широкую сферу философских дискуссий и проблем. Возражения Рорти, которые касаются аналитической философии, ориентированной на науку, помимо главной его книги, разбросаны по многочисленным статьям. Ощутимые трудности в оценке его аргументации связаны и с тем обстоятельством, что Рорти выступает как представитель прагматизма, что с нашей точки зрения приводит к путанице, потому что фактически его скептицизм выходит за рамки собственно прагматистской критики традиционных философских школ. Кроме того, сочетания имен и школ, которые практиковал в своих сочинениях Рорти, кажутся зачастую настолько неожиданными и неестественными, что иногда трудно уловить общую основу для таких сравнений и сочетаний.

Сам Рорти незадолго до смерти, последовавшей в 2007 г., систематизировал свои возражения против философского метода, хотя и в очень кратком виде. В статье *Прагматистский взгляд на современную аналитическую философию* [5] он выдвинул 16 тезисов, анализ которых является в высшей степени актуальным, поскольку по ним можно проследить эволюцию взглядов самого Рорти, а также то, в какой степени его аргументы могут быть использованы при обсуждении кризиса рациональности, или же очередного кризиса западной философии. Нужно также иметь в виду то обстоятельство, что релятивизм Рорти отнюдь не выглядит как нечто выходящее за пределы принятого сообществом собственно философского дискурса, о чем свидетельствуют его дебаты с такими разными философами как Х. Патнэм [6], Д. Дэвидсон [7] и Ю. Хабермас [8]. В целом, обсуждаемые в данной работе тезисы охватывают весьма широкий круг вопросов о специфике философии как части человеческой культуры, включая беллетристику, анализ которой занимает в творчестве Рорти видное место. В какой-то мере Рорти был согласен с Ж. Деррида, что философия есть вид литературы, и любое обсуждение философского метода должно быть столь же широким и в определенной степени произвольным, как и литературная критика. Тем не менее, в своих тезисах Рорти предпочел держаться более или менее строгих рамок самой философии.

Рорти в первом тезисе отрицает широко распространённое мнение о способе решения проблем в современной философии через извлечение значения соответствующих утверждений. Действительно, «канониче-

ское» понимание сути лингвистического поворота, проникшее в учебники для студентов, состоит в том, что анализ значения в философском контексте и есть однозначное решение проблемы. Однако, как указывает Рорти, на современной сцене присутствует множество концепций значения, сконструированных в зависимости от целей исследования, которые несовместимы друг с другом. Если принять идею о «философском методе» серьезно, естественно было бы искать «ошибки» одних теорий в пользу других. Поскольку теория значения, скажем, Р. Карнапа [9], кардинальным образом отличается от теории Р. Брэндома [10], сопоставление их означает безнадежную попытку сопоставления практически несоизмеримых философских теорий. Отчасти с этим возражением Рорти против философского метода как анализа значения можно согласиться, но при этом следует отметить, что Рорти упускает важнейшую составляющую философского метода. Философия часто выступает как предшественник естественнонаучного поиска решения проблем, и видимо, не бесполезно, в противоречии Рорти, искать какие-то сходные черты теорий значения, например у Т. Нагеля [11] и Д. Деннета [12], поскольку теории обоих философов представляют собой попытку решить проблему сознания, находясь фактически на стыке философии и естествознания.

Суть лингвистического поворота для современной философии состоит в перемещении акцента в исследовании философских проблем с вопроса о соотношении мышления и реальности к вопросу о соотношении языка и реальности [13]. Само по себе это смещение, ставшее общим феноменом для философии двадцатого века, аналитической или континентальной, вовсе не означает какую-то общность философов, которые акцентируют свое внимание прежде всего на языке. Я. Хакинг показал механизм этого смещения, указав при этом очень заметную специфичность некоторых теорий, например, теории Д. Дэвидсона, уделив ей в несколько раз больше пространства, чем другим [14]. При такой специфичности трудно представить себе простую формулировку общего основания, из которого бы исходили различные философы при формулировке своих теорий. Таким образом, утверждает Рорти в своем втором тезисе, само признание важности лингвистического поворота не является поводом для разговора о некотором философском методе, ориентированном ныне на исследование и анализ языка.

При всем разнообразии философских теорий некоторые методы их конструирования заслужили названия канонических. Метод анализа, предложенный Б. Расселом в его теории дескрипций [15], общепризнанно является парадигмой современной философии, феноменология Гус-

серля занимает важнейшей место в философских дискуссиях, экзистенциалистский дискурс является важнейшей частью того, что сам Рорти называет «разговором человечества». Так что в определенном смысле можно выделить направления, которые являются ядром философских дискуссий, или «дисциплинарными матрицами», порождающими определенные исследовательские программы. Хотя Рорти прав в том, что нет тотального объединяющего аспекта у различных философов после лингвистического поворота, тем не менее, можно все-таки выделить несколько таких направлений, как например, указанные выше.

Третий тезис Рорти имеет более частный характер, чем первые два. Он считает ошибочным убеждение М. Даммита, что трансформация вопроса о соотношении мышления и реальности в вопрос о соотношении языка и реальности сделала философию языка «первой философией» [16]. Концепция первой философии связана с убеждением, что помимо знания, добываемого, скажем, в физических науках, есть нечто еще, и в процессе рационального размышления можно получить надежные взгляды о природе пространства, времени, сознания, причинности и т.д. Даммит полагает, что вся остальная философия занята анализом значения специальных типов выражений. Рорти отвергает эту претензию на основании уже чисто практических соображений, что сами по себе открытия о природе значения не имеют прямого отношения к целям аналитической философии. В качестве подтверждения сомнений Рорти можно привести работу видного философа математики П. Мэдди «Вторая философия» [17], в которой защищается натурализм в философии, возникший со времени появления работы У. В. Куайна «Натуралистическая эпистемология» [18]. Никто не усомнится в том, что подобные работы написаны в русле аналитической философии, которая больше всех отстаивает свою преданность лингвистическому повороту, так что в этом отношении Рорти прав. С другой стороны, натурализм не завоевал полного признания в качестве безупречного философского направления, и многие сомнения о допустимости «второй философии» вполне обоснованы.

С лингвистическим поворотом отнюдь не исчезают классические философские дихотомии. Действительно, различные ответы на вопрос о соотношении языка и реальности по сути разделяют идеалистов и реалистов. Основная тема главной книги Рорти *Философия и зеркало природы* состоит в отказе от понятия знания как репрезентации природы. Те, кто принимает понятие репрезентации, являются реалистами эмпиристского толка, в то время философы, отдающие должное выводному характеру

знания, являются идеалистами. Рорти полагает, что ошибочно, как это делает Даммит, считать, что разделение на идеалистов и реалистов связано с тем, что делает предложение языка истинным – реальность или человек. В этом отношении Рорти полностью смещает традиционные аспекты того, что называлось традиционно «основным вопросом философии», выдвигая на первый план понятие репрезентации, и демонстрируя его ошибочность. Это по-настоящему радикальный шаг, и он используется Рорти для дискредитации самого понятия философского метода. В своем четвертом и пятом тезисах он утверждает, что спор репрезенталистов и антирепрезенталистов осуществляется одинаковыми средствами, и стало быть, они не используют каких-то специфических приемов. Другими словами, если метод не означает что-то вроде «исследовательской программы» или «фундаментальной мотивации», которые являются частными особенностями дискурса, тогда само понятие метода применимо только в том случае, если имеется согласие по поводу того, что считать решением вопроса в конкурирующих взглядах. Но можно ли найти какие-либо убедительные примеры того, что философские разногласия были разрешены успешно? Рорти заключает, что, например, убеждение Айера и Карнапа, с одной стороны, и Гуссерля – с другой, в том, что они нашли специфичный метод, при радикальном расхождении их взглядов, является ошибочным [19].

Сам по себе отказ позитивистам и феноменологам в специфичном методе является еще более радикальным шагом со стороны Рорти. Впрочем, его радикальность коренится вообще в отказе в шестом тезисе от применения термина «метод». Фактически Рорти ограничивает понятие «метода» нейтральной разрешающей процедурой. Как таковая, она свойственна любым человеческим решениям, или в целом, рациональному мышлению, и по этой причине нет различий между философским и естественнонаучным методом. В этом смысле, если не иметь в виду конкретную исследовательскую программу, нет необходимости вообще говорить о методе. Сравнение аргументации, освященной «методом», с обыденным разговором в более или менее последовательном виде, что является одним из главных признаков прагматистской трактовки философии Рорти, действительно делает понятие метода излишним. Правда, сам Рорти признает, что такого рода разговоры должны удовлетворять «дисциплинарной матрице». Но тогда спор Рорти с остальными философами по этому поводу становится отчасти просто вербальным, поскольку дисциплинарные матрицы в различных областях могут различаться фундаментально. Стоит отметить, что Рорти вообще не признает особенной специфики научного дискурса по сравнению с гуманитарным, и с этой точки

зрения способ разрешения споров между конкурирующими теориями в обеих областях для него одинаковы. Любопытно, что соглашаясь с Куном в целом в отношении концепции парадигмы научных исследований, Рорти не соглашается с ним в отношении способов аргументации в точных науках. Еще раз следует подчеркнуть, что естественные науки занимают у Рорти очень скромное место, и его уверения в том, что нет различий между обеими областями, не подтверждается серьезной аргументацией.

Это обстоятельство вполне понятно в свете его седьмого тезиса, согласно которому философия никоим образом не должна уподобляться науке. Существуют различные аргументы в пользу своеобразия философии по сравнению с естественными науками, и еще более убедительные аргументы в пользу того, что философии не следует подражать науке. Эти аргументы имеют дело с самоимиджем философии как отдельной дисциплины, которой следует избегать сайентизма. Однако Рорти подходит к этому вопросу по-другому, полагая, что философия не обладает компетенцией для выбора между различными альтернативами, что составляет одну из важнейших черт науки. В самом деле, «отказаться от представления о философе как о человеке, который знает нечто о познании, чего никто, кроме него, не знает так хорошо, значило бы отказаться от представления, что его голос всегда требует того, чтобы остальные голоса в разговоре не принимались во внимание. Это также означало бы отказаться от представления, что имеется нечто, иногда называемое “философским методом”, или “философской техникой”, или “философской точкой зрения”, позволяющее профессиональному философу, *ex officio*, иметь интересные взгляды, скажем, о респектабельности психоанализа, легитимности некоторых сомнительных законов, разрешения моральных дилемм, “основательности” школ историографии или литературной критики и т.п. Философы действительно часто имеют интересные взгляды по поводу таких вопросов, и их профессиональная тренировка как философов является необходимым условием того, чтобы они имели подобные взгляды. Но это вовсе не значит, что философы обладают специальным видом знания относительно познания (или чего-либо еще), из которого они могут выводить соответствующие следствия. Полезное кибицирование, которое они могут дать по различным проблемам, только что упомянутым мною, становится возможным за счет их знакомства с историческим фоном аргументации на подобные темы и, тем более важно, тем фактом, что аргументы на такие темы перемежаются избитыми философскими клише, на которые натываются другие участники разговора и относительно которых профессиональные философы знают наизусть все за и против» [20].

Несмотря на явный скепсис Рорти в отношении философии, особенно той, которая все-таки уподобляется науке, а именно, аналитической философии, он все-таки признает, что она заслужила благоприятные отзывы тех, кто пишет интеллектуальные истории XX века. Как и в предыдущих случаях, Рорти объясняет это обстоятельство в своем восьмом тезисе достаточно своеобразно, опираясь на свою антирепрезенталистскую позицию. Он полагает, что обычные комплименты аналитической философии в точности и ясности в результате копирования науки в этом случае не имеют значения. Дело в том, традиционная концепция репрезентации устанавливает соотношение между ментальным и нементальным достаточно детальным образом, как соответствие между мыслями и объектами реального мира. Одним из недостатков репрезентализма было то, что в сфере мысли трудно выделить дискретные элементы, необходимые для установления соответствия, в то время как утверждение языка представляет вполне обособленный дискретный элемент. Именно по этой причине лингвистический поворот оказался успешным. На самом деле этот поворот оказывается началом конца репрезенталистской философии. Дело в том, что установление соответствия между значением слова и реальным объектом становится невозможным, как только принят тезис Г. Фреге о том, что слова имеют значение только в контексте утверждений [21].

Вряд ли это тезис имеет такое уж решающее значение для судьбы столь почтенной точки зрения о мышлении как отражении природы. Рорти и сам, при всей своей нелюбви к репрезентализму, признает в девятом тезисе, что невозможно решить, какое направление более предпочтительно. В некотором смысле это противоречит прежней установке Рорти в отношении репрезентаций. «Это не является вопросом о том, что философское образование должно включать чтение либо Гегеля и Хайдеггера, либо мастеров символической логики. Оба типа философии полагаются важными и интересными» [22]. Не существует способа разрешения того, какая позиция является правильной. Другими словами, опровержение каких-либо взглядов в философии практически невозможно, поскольку они являются результатом дотеоретических симпатий, которые рано или поздно перерастают в исследовательские программы. На практике философы не столь миролюбивы, как то предполагает Рорти, настаивая на преимуществах своего метода, и стратегия Рорти, видимо, состоит в том, чтобы показать, что при обилии альтернатив, каждая из которых сама по себе интересна, понятие философского метода не имеет смысла.

Десятый тезис устанавливает, несмотря на предыдущий тезис, решающую разницу между репрезенталистами и их противниками. С точ-

ки зрения первых, существуют объекты, которые есть то, чем они являются, независимо от способа их описания. Философия предлагает метод прослеживания того, как субъект приходит к объекту, описывая механизмы репрезентации как преодоление разрыва между ними. Прагматизм Рорти ведет к другой картине, в которой философия описывает процесс сплетения самых различных убеждений человека и общественных вер. В ходе этого процесса собственно философские проблемы могут «рассасываться».

Здесь Рорти неявно подразумевает, что философские вопросы в ходе истории не остаются теми же самыми. Неверно, с его точки зрения, считать, что, скажем, логические эмпиристы исследовали те же самые вопросы, которые интересовали, скажем, Платона или Лейбница. Если это так, тогда философия лишена того однообразия, который требует введения понятия философского метода. Исторические обстоятельства формируют различные интеллектуальные ситуации, в которых формируются новые проблемы, требующие для своего разрешения новых средств. Идея несоизмеримости философских контекстов не формулируется Рорти в какой-либо отчетливой форме, но если бы она была сформулирована в достаточно точном виде, аргументация против философского метода не требовала бы дополнительных средств, будучи самодостаточной. Более странно то, что историцизм Куна, хотя и был замечен Рорти, не играл особой роли в его аргументации.

Поскольку Рорти перевел философские разногласия в плоскость противостояния во взглядах о роли репрезентаций, многие его критики посчитали это просто отходом от философии вообще. В определенном смысле эта критика вполне оправданна, поскольку «зеркало природы» является по сути одной из основных тем философии. Однако сам Рорти полагает, что его антирепрезенталистские взгляды являются лишь отходом от старой дисциплинарной матрицы. В своем одиннадцатом тезисе он говорит, что смена дисциплинарных матриц в философии происходила неоднократно, как, например, в случае отхода Декарта и Гоббса от аристотелизма, или Карнапа и Хайдеггера от неокантианства. Вообще говоря, обвинения Рорти в том, что он отходит от философии, вполне оправданны, раз он отрицает философский метод как таковой. Другое дело, что он понимает под философией нечто более аморфное, чем принятая ныне дисциплинарная матрица, охватывающее скорее культурный дискурс, ориентированный на практику. В этом смысле он прямой наследник Д. Дьюи, распространивший философию на образование, эстетику и политическую теорию. Здесь можно вспомнить высказывание

Б. Рассела о Дьюи, что «он ... не всегда был удовлетворен практической деятельностью тех людей, которые объявляли его своим учителем, но ведь каждое новое учение на практике всегда связано с некоторыми неплюсами и излишествами» [23].

Считать антирепрезентализм Рорти такого рода излишеством, дело вкуса, но следует отметить, что релятивизм Рорти действительно временами радикален. Потому что в своем следующем, двенадцатом тезисе, он говорит, что и исследовательские программы не существенны для философии. Отход от дисциплинарной матрицы иногда сопровождается выдвиганием исследовательской программы, но это не обязательно. Симптоматично, что примером последней стратегии является творчество Хайдеггера. Учитывая, какое важное место занимает Хайдеггер в работах самого Рорти [24], вполне понятно, что он не высокого мнения о таких программах. Более точно, он не считает, что исследовательские программы есть мерило интеллектуального прогресса, будучи просто инструментом профессионализации философии, инструментом, существенным для институализации дисциплины. В каком-то смысле Рорти отказывает академической философии в качестве стандарта такого прогресса, и считает более важной его составляющей беллетристику [25]. Это обстоятельство не надо смешивать с другим убеждением Рорти, что философия есть вид беллетристики, потому что для него значительная часть философии выпадает за пределы жанра «истории духа» (Geistesgeschichte) [26].

Отказ от признания важной роли исследовательских программ в философии у Рорти не случаен, потому что для него они несут на себе отпечаток профессиональной дисциплины. Согласно знаменитому афоризму, «дисциплина требует дисциплины». В этом смысле репрезентализм в виде теорий об элементарных компонентах языка в рамках сложной концептуальной системы выглядит систематическим и профессиональным, в то время как антирепрезенталисты апеллируют к холистическому учету контекста. Это обстоятельство играет и психологическую роль. Так, многие сочувствующие Рорти критики рекомендуют читателям его книги «Философия и зеркало природы» пропустить две первых части, которые полны деталями в общем-то четко оформленной исследовательской программы, т.н. «элиминативизма», и читать только третью часть, которая обращена к герменевтике и философии как к «разговору человечества». Тринадцатый тезис имеет, в самом деле, скорее психологический оттенок, нежели эпистемологический, как аргумент против философского метода. Психология переходит в социокультурное объяснение раскола между аналитической и континентальной философией.

В своем четырнадцатом тезисе Рорти просто фиксирует, что историцизм и антирепрезентализм относительно чужды англо-американской философии. Относительность тут вполне уместна, потому что сам Рорти охотно в своих сочинениях «преодолеывает» раскол, сводя вместе аналитического философа Д. Дэвидсона с континентальными мыслителями Деррида и Гадамером, но не усматривая никакого сходства континентальной философии с полными логической и естественнонаучной аргументацией сочинениями, скажем, видных аналитических философов Крипке, Серла или Нагеля. И дело тут не в различных методах, а в существенном различии философских доктрин. В самом деле, каждый из перечисленных выше аналитических философов имеет свою «метафизику», и в некоторых случаях кавычки можно просто опустить, скажем, сталкиваясь с принятием Крипке аристотелевского эссенциализма [27]. Здесь, хоть и неявно, Рорти делает упор на том, что разговоры о различных философских методах беспочвенны, поскольку разногласия лежат в сфере исходно различных взглядах, многообразии и незаключительности которых и составляет философию.

А в тезисе пятнадцатом Рорти утверждает, что прогресс в философии достигается не кропотливым выполнением исследовательской программы, которая, в конечном счете, «уходит в песок». Для Рорти прогресс состоит в представлении захватывающих философов картин, таких как у Витгенштейна. В этом отношении Рорти окончательно отходит от философии как аргументативного предприятия, поскольку вдохновение *Логико-философского трактата* является, как оказалось, результатом дислексии мыслителя, неспособного отойти от афористической формы «видения» проблем [28]. Рорти полагает, что пока нет таких картин, философия находится в застое. Судя по всему, его скепсис связан с осязаемым кризисом как в аналитической, так и в континентальной философии. «Многие люди по обеим сторонам аналитико-континентального раскола проводят большую часть своего времени в ожидании Годо. Они надеются, что кто-то сделает за нас то, что *Философские исследования* или *Бытие и время* сделали для наших предшественников – разбудить нас от того, что мы позднее осознаем как догматический сон» [29].

В этом пассаже для нас интересны две вещи. Во-первых, ясно, что ни Витгенштейн, ни Хайдеггер не являются, с точки зрения Рорти, вдохновителями в современной философии. Они уже не захватывают дух у читателя, и это обстоятельство очень важно для понимания позиции самого Рорти. Философия для него есть процесс представления альтернативных описаний человека и общества, не в духе науки, а в духе возмож-

ных переописаний нашего прошлого и настоящего. Отрицание сущности человека, что роднит его с экзистенциалистами, имеет прямое следствие в возможности изобретения нового видения, никак не соотносящегося с «зеркальным» отображением природы. Те люди, которые преуспевают в нахождении удачных переописаний, становятся для философского мира своего рода гуру, утверждает Рорти в своем заключительном шестнадцатом тезисе. Интеллектуалы, говорит он, не могут жить без гуру, но могут жить без священников. И опять-таки, отказ от «зеркала» играет тут важнейшую роль – им не нужен гуру, который объясняет, что своим авторитетом он обязан особым связям с чем-то не человеческим, «отношением, достигаемым нахождением правильного пути прыжком через пропасть».

Последний тезис, шестнадцатый, судя по всему, несет на себе отпечаток печального обстоятельства – Рорти был смертельно болен в период написания этих тезисов, и его размышления над судьбами философии, по иронии судьбы, к «концу» которой он приложил немало усилий, полны меланхолии. Д. Деннет назвал Рорти «разочарованным метафизиком». Это наиболее верное описание характера сочинений Рорти, который считал, в конечном счете, что философия не должна быть схоластическим приложением к науке, а должна быть «историей духа».

Примечания

1. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та, 1997.
2. *Кун Т.* Структура научных революций. – М., 1977.
3. *Rorty R.* Thomas Kuhn, Rocks and the Laws of Physics // *Rorty R. Philosophy and Social Hope.* – Penguin Books, 1999. – P. 175–189.
4. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М., 2007.
5. *Rorty R.* Pragmatist View of Contemporary Analytic Philosophy // *Rorty R. Philosophical Papers, vol. 4. Philosophy as Cultural Politics.* – Cambridge University Press, 2007.
6. *Putnam H.* Richard Rorty on Reality and Justification // *Rorty and His Critics / ed. Brandom R.* – Blackwell, 2000. – P. 81–90.
7. *Davidson D.* Truth Rehabilitated // *Rorty and His Critics / Ed. Brandom R.* – Blackwell, 2000. – P. 65–80.
8. *Habermas J.* Rorty's Pragmatic Turn // *Rorty and His Critics / Ed. Brandom R.* – Blackwell, 2000. – P. 31–64.
9. *Карнап П.* Значение и необходимость. – М., 1959.
10. *Brandom R.* Making It Explicit. – Harvard University Press, 1998.
11. *Nagel T.* What It is Like to Be a Bat // *Philosophical Review.* – 1974. – VI, 83, No. 4. – P. 435–450.
12. *Dennet D.* Consciousness Explained. – Boston, Little, Brown and Company, 1991.
13. *Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / Ed. R. Rorty.* – Chicago University Press, 1967.

14. *Hacking I.* Why Does Language Matter to Philosophy? – Cambridge University Press, 1975.
15. *Рассел Б.* Об обозначении // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. – С. 7–22.
16. *Dummett M.* Can Analytical Philosophy Be Systematic, and Ought It to Be? // Dummett M. Truth and Other Enigmas. – Harvard University Press, 1978.
17. *Maddy P.* Second Philosophy. – Oxford University Press, 2007.
18. *Quine W.O.* Epistemology Naturalized // Epistemology: An Anthology / Eds. Sosa E. & Kim J. – Blackwell, 2004.
19. *Rorty R.* Pragmatist View of Contemporary Analytic Philosophy // Rorty R. Philosophical Papers, vol. 4. Philosophy as Cultural Politics. – Cambridge University Press, 2007. – P. 143.
20. *Попму П.* Философия и зеркало природы. - Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1997. – С. 290–291.
21. *Dummett M.* Frege: Philosophy of Language. L., Duckworth, 1973.
22. *Rorty R.* Pragmatist View of Contemporary Analytic Philosophy // Rorty R. Philosophical Papers, vol. 4. Philosophy as Cultural Politics. – Cambridge University Press, 2007. – P. 144.
23. *Рассел Б.* История западной философии. – Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2003. – С. 942.
24. *Rorty R.* Heidegger, Contingency and Pragmatism // Rorty R. Philosophical Papers, vol. 2. Essays on Heidegger and Others. – Cambridge University Press, 1991. – P. 27–49; *Rorty R.* Wittgenstein, Heidegger and the Reification of Language // Rorty R. Philosophical Papers, vol. 2. Essays on Heidegger and Others. – Cambridge University Press, 1991. – P. 50–65; *Rorty R.* Heidegger, Kundera, and Dickens // Rorty R. Philosophical Papers, vol. 2. Essays on Heidegger and Others. – Cambridge University Press, 1991. – P. 66–82.
25. *Попму П.* Случайность, ирония и солидарность. – М., Русское феноменологическое общество, 1966.
26. *Попму П.* Исторнография философии: четыре жанра // Рассел Б. История западной философии. – Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та, 1994. – С. 305–330.
27. *Kripke S.* Naming and Necessity. – Harvard University Press, 1980.
28. *Хиттука Я.* О Витгенштейне. – М.: Канон +, 2013.
29. *Rorty R.* Pragmatist View of Contemporary Analytic Philosophy // Rorty R. Philosophical Papers, vol. 4. Philosophy as Cultural Politics. – Cambridge University Press, 2007. – С. 146.

Дата поступления 20.04.2015

Томский государственный
национальный исследовательский
университет, г. Томск
Pomoshnik_@mail.ru

***Tselishcheva, O.I.* Against the philosophical method: 16 objections by Rorty**

The paper deals with Richard Rorty's objections against philosophical method which he exposed in several theses. Rorty's arguments directed primarily against analytic philosophy are compared to his anti-representalist views on European philosophy. The author criticizes Rorty for his statements that research programs and disciplinary matrices are insignificant for philosophy, as well as for his global aim at understanding philosophy as a "conversation of mankind."

Keywords: Rorty; anti-representalism; mirror of nature; philosophical method; analytic philosophy